Научная статья. Политические науки
УДК 303.446.4
https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-091-102

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ПО ВОПРОСАМ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

Елена Викторовна Дунаева
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
elena-vd@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-3492-1361

Аннотация. начало развития революционного движения в Иране в 1978–1979 гг. привлекло большое внимание российских (советских) исследователей-востоковедов, поскольку иранистика, имеющая более чем двухвековую историю, продолжала активно развиваться. Иранская революция и создание Исламской Республики Иран были оценены как уникальные события современности. В советский период иранисты не приняли термин «исламская революция», поскольку оценивали происходящее с идеологических позиций и не верили в возможность духовенства спешно управлять государством.
С начала 90-х гг. ряд оценок был пересмотрен, а начавшиеся в ИРИ процессы либерализации поставили на обсуждение вопросы социального развития и эволюции политической системы. Определенное внимание было уделено изучению противоречий между представителями религиозного фундаментализма и религиозно-политического модернизма. Отслеживалось развитие политических партий и организаций. Российские иранисты отмечали усиление консервативных тенденций во внутриполитической жизни ИРИ с середины первого десятилетия XXI в. и нарастание внутриполитического кризиса, проявлением которого стало снижение политической активности населения и нарастание протестных движений в обществе. Эти тенденции во многом объяснялись влиянием внешнего фактора, в первую очередь, введением санкций, а также стремлением консервативных сил воспрепятствовать развивающимся в обществе модернизационным процессам.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, шиитское духовенство, либерализация политической жизни, религиозный фундаментализм, религиозно-политический модернизм

Для цитирования: Дунаева Е. В. Российская историография по вопросам политического развития Исламской Республики Иран. *Восточная аналитика.* 2024;15(4):91-102. https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-091-102

Original article. Politics studies

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ON POLITICAL DEVELOPMENT OF ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

Elena Dunaeva
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
elena-vd@list.ru, https://orcid.org/0000-0003-3492-1361

Abstract. The beginning of the revolutionary movement in Iran in 1978–1979 attracted great attention of Russian (Soviet) orientalist researchers, as Iranian studies, which had more than

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

© Дунаева Е. В., 2024
© Восточная аналитика, 2024

two centuries of history in Russia, continued to develop actively. The Iranian Revolution and the establishment of the Islamic Republic of Iran were appreciated as unique events of modern times. During the Soviet period, Iranologist did not accept the term Islamic Revolution because they evaluated the events from ideological positions and did not believe in the ability of the clergy to successfully govern the state.
Since the early 1990s, a number of assessments have been revised, and the processes of liberalization that began in IRI have brought the issues of social development and the evolution of the political system into discussion. Some attention was paid to the study of contradictions between representatives of religious fundamentalism and religious-political modernism. The development of political parties and organizations was traced.
Russian Iranologists noted the strengthening of conservative trends in the domestic political life of Iran from the middle of the first decade of the 21-st century and the growing internal political crisis, which manifested itself in a decrease in the political activity of the population, an increase in protest movements in society. These trends were largely due to the influence of an external factor, primarily sanctions, as well as the desire of conservative forces to prevent the modernization processes in society.

Keywords: Islamic Republic of Iran, Shiite clergy, liberalization of political life, religious fundamentalism, religio-political modernism

For citation: Dunaeva E. V. Russian Historiography on Political Development of Islamic Republic of Iran. *Eastern Analytics.* 2024;15(4):91-102. (In Russ.) https://doi.org/10.31696/2227-5568-2024-04-091-102

45 лет тому назад Иран стал ареной, на которой с невероятной быстротой разворачивались события, привлекшие внимание всего мира. Народное революционное движение, имевшее антишахскую, антиимпериалистическую направленность, свергло один из самых древних и крепких монархических режимов. Революционное движение развернулось в стране, преодолевшей свою экономическую отсталость, вставшей на путь модернизации и динамично развивающейся.

Российская (советская) иранистика, внесшая серьезный вклад в изучение истории, культуры, языков и социально-экономических проблем Ирана, уделила большое внимание изучению и детальному анализу как революционных событий, так и дальнейшему политическому развитию страны после становления Исламской республики.

Поскольку анализ изучения причин, хода и характера революции 1978–1979 гг. уже не раз проводился в российской историографии, в данной статье будут рассмотрены оценки российских авторов периода становления Исламской республики и развития политического процесса в ИРИ за прошедшие 45 лет.

После свержения власти шаха на повестку дня был поставлен вопрос о создании новой политической системы. Процесс складывания нового исламского режима начался уже в январе 1979 г. В последние

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

© Dunaeva E. V., 2024
© Eastern Analytics, 2024

дни марта 1979 г. был проведен референдум о будущем государственном устройстве, на котором иранский народ поддержал идею исламской республики, которая и была провозглашена 1 апреля. В основе политического устройства лежал обоснованный аятоллой Хомейни принцип велаяте факих, а исламская республика рассматривалась как государство религиозного народовластия (мардомсалари-йе дини). Прошедшие четыре с половиной десятилетия показали живучесть этой уникальной модели политического устройства, функционирующей на основе собственной политической традиции, и ее способность отвечать как на внутренние, так и на внешние вызовы [40 лет…, 2020, с. 62–63].

В начале 80-гг. исследователи и политологи высказывали различные оценки относительно характера революции и вновь создаваемой государственной модели: основное понимание сути событий было основано на идеологическом подходе, утвердившимся в советском востоковедении. Однако в научной среде шли чрезвычайно активные дискуссии, выражались различные мнения и оценки. Детально отслеживались события, связанные со складыванием нескольких центров власти, созданием отрядов пасдаров, позднее объединившихся в Корпус стражей исламской революции, разработкой нескольких проектов новой конституции, спецификой «левых» и «правых» на иранском политическом поле. Иранисты изучали воззвания и документы, теоретические взгляды авторитетных представителей шиитского духовенства и других течений, участвовавших в революции, шаг за шагом анализировали события и изучали феномен иранской революции, а также процесс складывания новой системы государственного устройства, что нашло отражение в многочисленных публикациях, в основном в спецбюллетенях Института востоковедения РАН, которые носили закрытый характер.

Одной из первых работ, рассматривающих становление новой власти, стала работа известного ираниста С. Л. Агаева «Иран: рождение республики», в которой автор очень детально проанализировал события периода Временного революционного правительства, который он назвал периодом институционализации власти шиитского духовенства под руководством «бесспорного и общепризнанного лидера революции аятоллы Хомейни», а также период президентства А. Банисадра, смещение которого в июне 1981 г. окончательно закрепило за духовенством непосредственное руководство всей системой государственного управления [Агаев, 1984, с. 308], отмечая при этом, что это «традиционный, по сути, теократический режим, хотя и использующий современные парламентско-представительские формы» [Агаев, 1984, с. 18].

По его убеждению, «Иран стал единственной мусульманской страной, где исламские политические силы смогли взять власть на волне

подлинно всенародной революции», а Исламская республика представляла собой современный иранский революционный феномен [Агаев, 1984, с. 4].

Дальнейшее развитие политического процесса за первое послереволюционное десятилетие, в ходе которого была разработана и принята конституция, заложены основы новой политической системы, сформированы органы власти, проходила острая внутриполитическая борьба и укреплялись позиции духовенства во власти, а также наблюдалось выделение двух основных религиозно-политических течений внутри Партии Исламской Республики (ПИР), нашло свое отражение в наиболее фундаментальной коллективной монографии сотрудников Института востоковедения АН СССР под руководством А. З. Арабаджяна «Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки». Эта коллективная монография представляет собой комплексное исследование политических, социально-экономических причин антишахского движения, хода революционных событий, отражение внутриполитической борьбы, становления системы новых органов власти, выстраивания внутренней и внешней политики, закладывания основ исламской экономики, которое было осуществлено впервые в мировой иранистике. Широта поднятых проблем, глубокое изучение документов и материалов СМИ, обоснованность выводов несомненно являются основными достоинствами этого исследования. В его подготовке приняли участия многие широко известные иранисты – С. М. Алиев, А. З. Арабаджян, Е. А. Дорошенко, О. И. Жигалина, В. Б. Кляшторина, Л. М. Кулагина, Н. М. Мамедова, Л. Е. Скляров, В. И. Юртаев и другие.

В то же время нельзя не отметить, что даже к 1989 г. в российской иранистике не сложилось единого подхода к оценкам иранских революционных событий. Термин «исламская революция» не использовался советскими иранистами, духовенство, хотя и было признано гегемоном революции, не рассматривалось как сила, которая может успешно управлять государством, и считалось «неспособным предложить обществу историческую перспективу» [Иранская революция, 1989, с. 454–458]. Нужно признать, что ряд выводов и оценок в этой работе был сделан под влиянием господствующих в тот период мировоззренческих установок, недостаточности изучения религиозно-идеологического аспекта революционных событий и недооценки идей политического ислама, неверия в устойчивость исламского режима и его возможность обеспечить развитие страны.

Для более глубокого понимания общественно-политической роли шиитского духовенства в иранском обществе, а также его участия в политических процессах известный иранист Е. А. Дорошенко, занимав-

шаяся изучением положения и деятельности иранского духовенства еще с начала 70-х гг. XX в., продолжила свои исследования, уделяя больше внимания анализу идеологических концепций шиизма, в основе которых лежит неразделимость ислама и политики, и отмечает потенциальные возможности шиизма как фактора развития самого духовенства, что и определило его роль в социально-политической истории Ирана. Она приходит к мысли о том, что «своеобразие революционного развития, происходившего на рубеже 70-х-80-х годов XX в. в Иране, динамика социальных, политических и культурных процессов, имевших место в этой стране и оказавших большое влияние на весь исламский регион Ближнего и Среднего Востока, говорит о потенциальных возможностях шиизма как элемента развития …» [Дорошенко, 1998, с. 224]. Е. А. Дорошенко публикует в 1985 г. монографию «Шиитское духовенство в современном Иране», а позднее защищает докторскую диссертацию по теме «Шиитское духовенство в двух революциях 1905–1911 и 1978–1979 гг.», которая была опубликована уже после ее смерти в 1998 г. В этой работе автор прослеживает появление теорий исламского правления и их развитие и реализацию в условиях Исламской республики. Автор, признавая, что революционные события в Иране носили исламский характер и лидером их стало духовенство, в тоже время не использует в работе термин «исламская революция», более того, отмечает, что «революция 1978–1979 гг. … явилась политической реакцией на автократический режим шаха и засилие империализма в Иране с неожиданным переходом от демонстраций к революции». Она обращает внимание и на отсутствие единства среди духовенства и существование различных подходов к формированию новой системы власти. В заключительных словах своей работы, относящихся уже к периоду после смерти имама Хомейни, Е. А. Дорошенко прогнозирует, что «борьба за политическую власть в Иране еще не закончена… она продолжается» [Дорошенко, 1998, с. 226]. С середины 80-х гг. разногласия среди духовенства по вопросам дальнейшего развития страны становятся очевидностью и приводят к его расколу на правых и левых, роспуску ПИР и размежеванию внутри основных политических организаций, а с 90-х гг. усиливается противостояние между сторонниками религиозного фундаментализма и религиозно-политического модернизма, которое не идет на спад и в последующие десятилетия. Таким образом, это предвидение оказалось чрезвычайно актуальным и полностью реализовалось в политической истории ИРИ.

В конце 80-х – начале 90-х гг. иранист Л. Е. Скляров, находившийся в период революционных событий в Иране, развивал идею о том, что свержение монархии – этот контрреволюция мелкой буржуазии и средних

слоев по отношению к революционным преобразованиям шаха, направленным на модернизацию страны. Он исходил из того, что «в Иране ... промышленно-капиталистический уклад был ведущим и структурообразующим, для подобной революции не было почвы» [Скляров, 1993, с. 237]. В своей работе «Иран 60–80-х годов: традиционализм против современности», проанализировав концепцию исламской власти Хомейни и опыт ее реализации в первое послереволюционное десятилетие, он делает вывод о том, что «шахская диктатура была заменена хомейнистской диктатурой, ... которая являлась мелкобуржуазно-клерикальной диктатурой, цель которой заключалась в сохранении и упрочении традиционной мелкотоварной системы «базара» как гаранта сохранения и упрочения власти шиитских ортодоксов» [Скляров, 1993, с. 236]. Л. Е. Скляров, подводя итог деятельности захватившей власть в стране «узкой группы богословов, преданных диктатору Хомейни», отмечает, что «десятилетие «эпохи Хомейни» тяжело отразилось на стране, затормозило ее политическое, экономическое, социальное и культурное развитие, нанесло огромный материальный ущерб, привело к многочисленным человеческим жертвам» [Скляров, 1993, с. 234]. В то же время в действиях нового президента ИРИ А. А. Хашеми Рафсанджани, избранного на этот пост после смерти имама, автор увидел попытки вернуть Иран на закономерный путь социально-экономического развития вопреки жесткому курсу исламизации всех сфер жизни, проводимому Хомейни, причем в рамках исламской республики.

В российской иранистике большинство исследователей не разделяло идею Л. Е. Склярова в целом, оставаясь на позиции «иранской революции», носившей уникальный характер, хотя отдельные его утверждения и выводы считало достаточно обоснованными и реалистичными. Можно предположить, что работа, подготовленная в период распада СССР, краха социалистической системы, идеологического вакуума, была своеобразной попыткой пересмотреть с критической точки зрения ряд установок, сложившихся в иранистике в позднесоветский период.

90-е гг. – новый этап развития ИРИ, характеризующийся переходом к политике экономической либерализации, проведение которой начал избранный президентом ходжат-оль-ислам А. А. Хашеми Рафсанджани. Прагматичный либеральный курс президента в экономике и внешней политике заложил основы для начала общественно-политической либерализации. С. М. Алиев в своей монографии «История Ирана XX век», вышедшей в 2004 г., детально рассмотрел ключевые моменты политического развития Исламской республики с момента ее становления до начала XX в. В заключительной части работы автор, отмечая возраставшие разногласия между левой и правой группировками в верхах, пишет:

«Современная политическая ситуация, которая сложилась после 1997 г., предвещает новые значительные коллизии в политической, религиозно-идеологической и культурной жизни ИРИ в наступающем XXI столетии» [Алиев, 2004, с. 548].

С середины 90-х гг. активизируется деятельность политических партий и организаций и начинается формирование партийной системы. В эти и последующие годы внимание иранистов, политологов, международников было сосредоточено на изучении основных тенденций либерализации исламского режима. На обсуждение были поставлены вопросы возможности его эволюции. Иранист Н. М. Мамедова, хотя основное внимание уделяла изучению вопросов социально-экономического развития ИРИ, в своих многочисленных статьях рассматривала специфику и процесс эволюции политической системы. Она видела демократический потенциал иранского общества, широко проявляющийся в ходе выборных кампаний, деятельности меджлиса. В сборнике статей ИВ РАН, подготовленном к 20-летию Исламской революции, Мамедова отмечала, что опыт развития Ирана в условиях исламского правления «уникален и чрезвычайно актуален с точки зрения мирового исторического процесса» [Мамедова, 1999, с. 52]. Соглашаясь, что исламский режим в первое десятилетие своего существования в условиях военного времени приобрел авторитарно-теократические черты, она также отмечала, что «постепенно правительство, подталкиваемое объективными потребностями иранской экономики, стало корректировать свою политику» и эволюционировать в сторону либерализации [Мамедова, 1999, с. 55]. В начале 2000-х гг. Н. М. Мамедова постоянно возвращалась к анализу политической проблематики, подчеркивала уникальный характер созданной государственной системы, прагматизм, который всегда отличал находящихся у власти представителей высшего духовенства, готовность к адаптации, отмечала нарастание тенденций к демократизации внутриполитической жизни с приходом к власти М. Хатами [Иран: ислам и власть, 2001, с. 14, 52]. Чрезвычайно прозорливым представляется ее замечание относительно многочисленности вновь появившихся в этот период партий, формирующих различные блоки в парламенте. По мнению автора, наиболее предпочтительной для Ирана являлась бы биполярная политическая система [Иран: ислам и власть, 2001, с. 20].

Зарождение партий в Иране, характер деятельности политических организаций духовенства в ИРИ и попытки выстраивания партийной системы в конце 90-х – начале 2000-х гг. проследила Л. М. Раванди в своей работе «Политические партии и группировки в Иране». Оценивая процесс расширения политического участия населения, она отмечала, что партийная система в Иране не развита, она характеризуется фракцион-

ностью и оказывает слабое влияние на политическую жизнь общества за исключением предвыборного периода.

Анализируя внутриполитическую динамику в ИРИ, исследователи едины во мнении, что взаимодействие двух основных идеолого-политических течений консервативного (осулгаран) и либерального направления (эслахталабан) определяло развитие политического процесса в ИРИ, а их попеременное преобладание в органах исполнительной и законодательной власти обеспечивало внутриполитическую стабильность.

Вопреки существующим в конце 90-х гг. в западной историографии утверждениям о возможностях трансформации исламского режима в светский через усиление республиканской власти иранисты России подчеркивали сильную исламскую составляющую в политической системе, отмечая, что инициативы проведения курса на большую прозрачность политической жизни и экономическую либерализацию исходили от религиозных деятелей, наделенных властными полномочиями.

Стоит обратить внимание и на еще одно достаточно значимое утверждение Н. М. Мамедовой о том, что организации духовенства и ряд политических партий, тесно связанных с религиозными структурами, являются субъектами политического процесса, поэтому исламский фактор в определенной степени направляет и в то же время контролирует и ограничивает развитие политической системы, что и наблюдается в Иране с середины первого десятилетия XXI в.

Некоторая либерализация политической жизни при президенте М. Хатами привела к ослаблению исламской составляющей режима, выразившемуся в снижении влияния религиозных институтов на общество. Наблюдалось падение влияния организаций духовенства на политическую жизнь, что особо было заметно в ходе выборных кампаний. Шел процесс сегментации внутри идеологических течений, и обособились наиболее радикальные группировки как у реформаторов, так и у консерваторов. Начался процесс смены элит: к руководству политических организаций и государственных структур приходят более молодые поколения, в основном, участники ирано-иракской войны.

С приходом на пост президента М. Ахмадинежада, внутренняя политика которого была направлена на возрождение идеалов Исламской революции в обществе и укрепление исламских норм, при изучении политических процессов исследователи основное внимание уделили анализу внутреннего противостояния двух идеолого-политических течений.

В этой связи нельзя не отметить работы Н. А. Филина, поднимавшего темы легитимации власти в ИРИ, занимавшегося анализом фак-

торов устойчивости политической системы [Филин, 2012], специфики и углубления межэлитного конфликта и сделавшего вывод о том, что «периоды наибольшей конфликтной активности совпадают с предвыборными кампаниями» [Филин, 2013, с. 114]. По такому сценарию пошло развитие событий в 2009 г. Причем призывы наиболее радикальных сил к ликвидации системы велаяте-факих вызвали недовольство населения, которое вышло на демонстрации в поддержку духовного лидера. Эти события показали, что многие иранцы не стремятся к коренным переменам и выступают лишь за частичное реформирование политической системы. Этот вопрос был поставлен на повестку дня даже духовным лидером страны, однако давление внешних факторов – введение санкций в виду развития Ираном своей ядерной программы отодвинули решение этого вопроса.

Отслеживая предвыборные ситуации, анализируя конфликт внутриполитических интересов мусульманского консерватизма и религиозно-политического реформизма, который по своей сути отражает противостояние традиционности и тенденций модернизации, исследователь Е. В. Дунаева отмечала, что «любые действия исполнительной власти на пути либерализации наталкиваются на жесточайшее противостояние консерваторов … которые, используя исламскую риторику … требуют тотального контроля духовенства и КСИР над внешней и внутренней политикой» [Дунаева, 2017, с. 60]. Анализируя конфликт внутриполитических интересов мусульманского консерватизма и религиозно-политического реформизма, она отмечала, что «периодически их соперничество обострялось настолько, что переходило в серьезный конфликт, который, усугубляясь и вовлекая более широкие слои, в то же время не достигал уровня, который бы представлял угрозу стабильности режима» [40 лет Исламской Республике Иран, 2020, с. 65].

Иранисты обращают внимание, что в последнее десятилетие политический процесс демонстрирует многочисленные конфликты внутри общества и внутри власти. Наблюдается рост числа недовольных радикализацией внутренней политики и усиливается недоверие населения к власти, идет нарастание межэлитного противостояния с одной стороны и снижение у иранцев интереса к политической жизни – с другой. Эти тенденции проявились в оппозиционных движениях, количество и размах которых увеличился в последние пять лет. Недовольство общества властью демонстрируют и выборные кампании последних лет, в ходе которых наблюдается самая низкая со времен исламской революции явка на выборы [Дунаева, 2024]. Власти прибегают к насилию и не готовы адекватно реагировать на изменившиеся обществен-

ные отношения. Понимая, что внутриполитическая ситуация в Иране в последние годы развивается под влиянием ухудшающейся экономической ситуации как результата санкций, в то же время эксперты отмечают, что изменение социальной структуры общества и выход на политическую арену нового послереволюционного поколения будут оказывать все большее влияние на политические процессы в стране [Дунаева, Мамедова, Сажин, 2023].

Большинство иранистов осознают, что в настоящее время Исламская Республика Иран переживает глубокий кризис. Экономические проблемы как результат санкций, сложные отношения с западными государствами, резкое обострение ситуации на Ближнем Востоке накладываются на противостояние между властью и населением. Очевидно, что без проведения значительных преобразований внутри страны и усиления тенденций либерализации в политической и социально-культурной сферах такая ситуация будет представлять угрозу не только стабильности, но и самому существованию страны. В то же время 45-летний опыт развития Ирана, его достижения в экономике, социальной сфере, культуре, науке и технологиях демонстрируют возможность реализации проекта модели общественной модернизации в условиях исламской государственной системы, в основе которой лежит национальная культурно-религиозная традиция.

Литература / References

1. Агаев С. Л. Иран: рождение республики М.: Политиздат, 1984. 336 с. [Agaev S. L. Iran: Birth of a Republic.Moscow: Politizdat, 1984. 336 p. (in Russian)].
2. Алиев С. М. История Ирана XX век. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2004. 645 с. [Aliyev S. M. Iran in the 20-th Century. Moscow: IOS RAS; KRAFT+, 2004. 645 p. (in Russian)].
3. Вылцан С. Е. Законодательная власть в Исламской Республике Иран. М.: Проспект, 2023. 176 с. [Viltsan S. E. Legislative power in the Islamic Republic of Iran. Moscow: Prospect, 2023. 176 p. (in Russian)].
4. Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979. М.: ИВ РАН, 1998. 240 с. [Doroshenko E. A. Shiia clergy in two Revolutions: 1905–1911 and 1978–1979. Moscow: IOS RAS, 1998. 240 p. (in Russian)].
5. Дунаева Е. В. Иран: исламская политическая идентичность и вызовы современности // Религия и общество на Востоке. 2017. Выпуск 1. С. 51–68. [Dunaeva E. V. Iran: Islamic Political Identity and Challenge of Modernity // Religion and Society in the East. 2017. Vol. 1. Pp. 51–68. (in Russian)].
6. Дунаева Е. В. Итоги выборной кампании в меджлис в Иране // Восточная аналитика. 2024. № 1 (15). С. 163–176. [Dunaeva E. V. Results of Parliamentary Elections in Iran // Eastern Analitics. 2024. No 1(15). Pp. 163–176. (in Russian)]. EDN: OPAVFQ

7. Дунаева Е. В., Мамедова Н. М., Сажин В. И. Иран: проблемы и протесты // Восточная аналитика. 2022. № 4 (13). С. 9–30. [Dunaeva E. V., Mamedova N. M., Sazhin V. I. Iran: Problems and protests // Eastern Analitics. 2022. No. 4 (13). Pp. 9–30. (in Russian)]. EDN: BNINHU
8. Иранская революция 1978–1979. Причины и уроки. М.: Наука, 1989. 557 с. [Iranian Revolution. Causes and lessons. Moscow: Nauka, 1989. 557 p. (in Russian)].
9. Исламская революция в Иране: прошлое, настоящее, будущее. М.: ИВ РАН, 1999. 214 с. [Islamic Revolution in Iran: past, present, future. Moscow: IOS RAS, 1999. 214p. (in Russian)].
10. Мамедова Н. М. Тенденции демократизации во внутриполитической жизни Исламской Республики Иран // Иран: ислам и власть. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2001. 280 с. [Mamedova N. M. Trends of democratisation in the internal political life of the Islamic Republic of Iran // Iran: Islam and power Moscow: IOA RAS; Kraft+, 2001. 280 p. (in Russian)].
11. Мамедова Н. М. Политическая система Исламской Республики Иран: особенности и возможности трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 3. С. 152–165. [Mamedova N. M. Political system of the Islamic Republic of Iran: peculiarities and possibilities of transformation // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 152–165 (in Russian)].
12. Скляров Л. Е. Иран 60-х-80-х годов. Традиционализм против современности. Революция и контрреволюция. М.: Наука, 1993. 255 с. [Skliarov L. E. Iran in the 60s-80s: traditionalism versus modernity. Revolution and counterrevolution. Moscow: Nauka, 1993. 255 p. (in Russian)].
13. 40 лет Исламской Республике Иран. Коллективная монография. М.: ИВ РАН, 2020. 358 с. [40 years of the Islamic Republic of Iran. Moscow: IOA RAS, 2020. 358 p. (in Russian)].
14. Раванди-Фадаи Л. М. Политические партии и группировки в Иране. М.: ИВ РАН, 2010. 216 с. [Ravandi-Fadayi L. M. Political parties and groups in Iran. Moscow, 2010. 216 p. (in Russian)].
15. Филин Н. А. Социально-историческое развитие Исламской Республики Иран (1979–2008): факторы устойчивости государственной власти. М.: РГГУ, 2012. 284 с. [Filin N. A. Socio-historical Development of the Islamic Republic of Iran (1979–2008): Factors of State Power Sustainability. Moscow: 2012. 284 p. (in Russian)].
16. Филин Н. А. Исследование конфликта элит в современном Иране // Власть. 2003. № 2. С. 112–115. [Filin N. A. Exploring elite conflict in contemporary Iran // Vlast. 2003. No. 2. Pp. 112–115 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дунаева Елена Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения Российской академии наук;
доцент ИСАА МГУ, Москва, Россия

Dunaeva Elena V. – PhD (Hist.), Senior Researcher, Center of Middle East Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science; Associate Professor, Moscow Lomonosov University Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье
Поступила в редакцию: 18.10.2024.
Одобрена после рецензирования и принята к публикации: 22.10.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure
The author declares that there is no conflict of interest.

Article info
Submitted: 18.10.2024.
Approved after peer reviewing and accepted for publication: 22.10.2024.

The author has read and approved the final manuscript.